

НА ЛЕДЯНКЕ С ХАРЬКОВСКОЙ ГОРЫ

Одна из самых широких и благоустроенных магистралей нашего Белгорода – улица Щорса. Многоэтажные дома, храм, спортивная база, стоматполиклиника, рынки и крупные торговые комплексы...

А всего полвека назад это была просто Харьковская гора. Так звали её с незапамятной поры. Высокая, поросшая мелким кустарником и выгоревшими на солнце травами, лишь у её подножья робко лепились малые хатёнки да пёстрые лоскуты огородов. А от края горной вершины начиналась и простиралась до самого горизонта привольная нива: пшеничные, ржаные, гречишные поля...

И полвека, и дольше века назад она была знаменита и любима белгородцами: крутая Харьковская гора – место главных зимних забав. О них поведал в своих воспоминаниях уроженец пригородной слободы Супруновки (которая давно уже в черте Белгорода) Дмитрий Петрович Набоков. С ним, инженером на пенсии, я познакомился в Харькове. А воспоминания белгородского старожилы в 1967 году опубликовал столичный журнал «Новый мир».

Вот его живой, красочный рассказ о таких далёких 1890-х годах.

Фото начала XX века: вид с Тавровской горы
(так в старину называли Харьковскую гору)
на центр Белгорода

А так катаются с горок современные ребяташки

На Харьковскую гору, по которой поднималась старая дорога на Харьков, мы ходили зимою кататься с ледянками и ручными санками. Длина спуска с горы до переезда через железную дорогу была более двух вёрст да от переезда до Пушкарского моста более версты. Лететь более трёх вёрст с крутой горы вниз на ледянке было редким и опасным удовольствием, которое заставляло забывать тяжесть ледянки весом почти с пуд, когда тащили её вверх на гору. Сказочно быстрый спуск продолжался более десяти минут.

Санька и Кузька тянули ледянку на двоих, слепленную из конского навоза и мокрого снега и облитую снизу водой до зеркального блеска. С боков она была ровно обрублена топором и облита водой, чтобы скользить поверх препятствий любой стороной. Сидели на ней двое, один на другом «навкрест», валетом. Моя ледянка была сделана из куска речного льда, так как из навоза со снегом я не успел сделать. Она была встречена громкими насмешками всех катающихся...

Вся дорога от низа до верха была заполнена мальчишками и взрослыми с ледянками и ручными санками; такой, как у меня, ледянки ни у кого не было.

Было ещё двое больших рабочих саней, и на каждой по десятку парней и девок. Одни сани тянули наверх будущие ездоки, а вторые сани со страшной быстротой неслись вниз через ухабы. Спуском управляли парни посредством жердей в руках и подкованных каблучков. С разгона по спуску ледянки и санки часть ровной дороги пролетали в воздухе и ударялись затем о землю со всего размаха. По дороге надо было точно править ледянками или санками, иначе они опрокидывались с седоками при каждом косом ударе о землю.

От моей ледянки при первом же ударе ничего не осталось, кроме верёвки для управления, которую я судорожно сжимал в руках, когда переворачивался на земле после первого удара. В тот день я прославился на всю гору, когда с верёвочкой в руках спускался вниз. Дома Ванька помог мне изготовить ледянку из навоза со снегом – на двоих.

Нужны были смелость и умение для спуска с горы с большим количеством ухабов, кочек и крутых откосов. Это было, по правде сказать, опасно для жизни. А катались мы с горы не чаще двух-трёх раз за зиму. Особенно опасно было на переезде, когда проходил состав, а ты на ледянке летел, как птица, прямо на вагоны поезда. Оставалось одно – круто затормозить с поворотом и перевернуться на живот, не выпуская ледянки из рук...

Катанье с Харьковской горы на ледянке считалось самым трудным и смелым делом для настоящего мальчишки. Это было испытанием и пробой на все его хорошие качества.

Записал Борис ОСЫКОВ